
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ONGOING ISSUES OF LITERARY STUDIES

© Е.И. ЗЕЙФЕРТ

elena_seifert@list.ru

УДК 821.112.2

О СОБЛЮДЕНИИ И НАРУШЕНИИ ПРИРОДНОЙ ЛОГИКИ «СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ» ПЕРСОНАЖА В БАСНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ)

ON THE OBSERVATION AND VIOLATION OF THE NATURAL LOGIC OF THE «MODUS OPERANDI» OF A CHARACTER IN A FABLE (ON THE MATERIAL OF THE POETRY OF RUSSIAN GERMANS)

АННОТАЦИЯ. Исследование в аспекте учения В. Выготского о психологической рецепции басни позволяет выявить следующие особенности этого жанра. В басне наблюдается либо соблюдение, либо нарушение природного «способа действия» персонажей — возникает два типа басен: естественная (Пфейффер А. *Moral des Löwen* [Мораль Льва]) и искусственная (Франк Р. *Der Hahn und die Hennen* [Петух и Курицы]). В тех случаях, когда один персонаж ведет себя естественно, а другой нарушает природную логику (Закс А. *Der alte Wolf* [Старый Волк]), возникает смешанная басня. Эффект, производимый на читателя естественной и искусственной баснями, подтвержден экспериментом с архичитателем. Стремление к свободе действий, сочувствие к притесненным вызывают у российских немцев (как у писателей, так и читателей) чуткое восприятие, осознание естественного или искусственного хода басенного сюжета. В этом заметно проявление российско-немецкого обостренного желания законного отношения к себе и национального ключевого понятия «das Recht», «die Gerechtigkeit»/«право».

SUMMARY. The study in terms of the V. Vigotsky theory on the psychological reception of a fable allows us to identify the following special aspects of this genre. In a fable, either the observation, or the violation of the natural “modus operandi” of characters may be seen — two types of fables come around, which we call natural (Pfeiffer A., *Moral des Löwen* [The Lion’s Moral]) and artificial (Frank R., *Der Hahn und die Hennen* [The Cock and the Hens]). When one character behaves naturally, and the other one violates the natural logic (Sachs A., *Der alte Wolf* [The Old Wolf]), a mixed fable takes place. The effect the natural and the artificial fables have on a reader has been corroborated by an experiment on an archireader. Striving for the freedom

of action and sympathy with the oppressed stir up, among the Russian Germans (both the writers and the readers), the keen perception and understanding of a natural or an artificial unraveling of a fabulous plot. Therein, a display of a Russian-German keen aspiration for the just and rightful attitude to oneself, and of the key national concept of "das Recht", "die Gerechtigkeit" ("Right") is noticeable.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Жанр, басня, российско-немецкая литература, «способ действия» басенного персонажа, двойственность восприятия басни, рецепция текста, эксперимент с читателем.

KEY WORDS. Genre, fable, Russian-German literature, "modus operandi" of a fabulous character, duality of the understanding of a fable, reception of the text, experiment on a reader.

Басня — разработанный в литературоведении жанр, представляющий достаточную базу для ее изучения. Для настоящей статьи важна интерпретация басни Л. Выготским в аспекте «способа действия». Ученый объясняет выбор баснописцами персонажей (животных) для аллегорий определенным «способом их действия, поступка». Л. Выготский опровергает мнения Г.-Э. Лессинга и А. Потемни, считающих, что причина выбора животного для басни лежит в определенности характера (Лессинг) и клишированности, знаковости имени как готового понятия (Потемня) (мнения исследователей близки друг к другу), и выдвигает следующие положения: 1) выбор животных для басни определяется «эмоциональной краской, которой обладает каждое из них»; 2) животные, «в силу общих свойств своей жизни», — носители «заранее известного способа действия», а не характера; 3) герои-животные (а также вещи) создают изоляцию от действительности, нужную для эстетического впечатления [1; 100]. Обратим внимание на 2 пункт (животные — носители действия) и добавим, что не только животные, но и отдельные растения, вещи, явления, а также люди в определенном смысле (к примеру, Безумец, Мудрец, Охотник и др.) являются носителями «способа действия», что также позволяет им стать аллегориями в басне. По Л. Выготскому, «способ действия» персонажа является неизменным.

В течение продолжительного времени в русле докторской диссертации автор статьи занимался изучением поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв. в контексте их этнической картины мира [2]. Литература российских немцев ранее не становилась предметом обстоятельного комплексного литературоведческого изучения. Имеются отдельные исследования в области частной поэтики, в основном, критического характера [3], библиографические изыскания [4-9]. Басня в литературе российских немцев требует особого изучения, поскольку отличается знаковыми особенностями — к примеру, преобладанием флористических аллегорий (растения со слабыми корнями, растения без корней), отражающих этническую картину мира российских немцев.

Исследование поэзии российских немцев дало возможность выйти и на общие жанровые законы. К примеру, анализ басни в литературе российских немцев показал, что в этом жанре имеет место либо соблюдение героем природного «способа действия», либо нарушение природной логики. Таким образом, возникает два вида басен, которые условно можно назвать *естественными* и *искусственными*.

В естественной басне автору удастся создать басенную ситуацию, опираясь на законы природы. Так, Волк и Лев не могут не быть плотоядными (Пфейффер

А. Moral des Löwen [Мораль Льва]; Закс А. Der alte Wolf [Старый Волк]), Вошь — не паразитировать (Гердт В. Biene und Laus [Пчела и Вошь]), Ветер — не быть «ветренным», Перекати-поле — не переноситься ветром (Франк Р. Die eitle Kollerdistel [Тщеславная Перекати-поле]), Графит — не стачиваться (Шмидт А. Алмаз и графит).

Басня искусственная основана на искажении законов природы: Петух хочет высиживать птенцов (Франк Р. Der Hahn und die Hennen [Петух и Курицы]), Кот не ловит мышей (Франк Р. Der Kater und die Henne [Кот и Курица]), Липа прогоняет лечащего ее Дятла (Франк Р. Die Linde und der Specht [Липа и Дятел]), Крестьяне берут в сторожи овец Волка (Закс А. Der alte Wolf [Старый Волк]).

Говоря об искусственной басне, мы ведем речь об искусственности, искажающей природный «способ действия» персонажа, благодаря которому герой был подобран для аллегии. К искусственности действий персонажей в данном случае не относится способность животного, растения, предмета, явления говорить, носить одежду и пр., поскольку подобное очеловечивание персонажа оправдано использованием в басне аллегии. Заметим, что авторы басен заботятся об относительном правдоподобии изображаемого, несмотря на его аллегоричность: так, в басне Р. Франка «Die eitle Kollerdistel» [«Тщеславная Перекати-поле»] Перекати-поле, брошенная Ветром, умирает «в расщелине», где нет ветра — автор, руководствуясь именно разлукой Перекати-поля и Ветра, изобретает безветренное место гибели растения.

Как видно из приведенных примеров (басня А. Закса «Der alte Wolf» [«Старый Волк»] встретила в двух перечисленных типах), возможен и третий тип — *смешанной* басни: в тех случаях, когда один персонаж в произведении ведет себя естественно, а другой — противоестественно. Волк у А. Закса ведет себя естественно, стремясь приблизиться в качестве сторожа к своей пище — овцам, а Крестьяне, доверяющие хищнику своих овец, — противоестественно.

От логичности или нелогичности действия персонажа в басне, на наш взгляд, зависит восприятие персонажей в басне. К примеру, заявленная Р. Франком в качестве негативного персонажа Лужа ведет себя как одиноличница (не бежит вслед за Ручьем-коллективистом сливаться в «большой поток») и затем погибает, но вызывает не только осуждение (кстати, старательно нагнетаемое автором: «Der träge Pfuhl jedoch blieb stehen, / und sein Wasser faulte bis zum Grund... / Und so verkam er nutzlos, ohne Ehre...») [«Вялая Лужа осталась стоять на месте, / и ее вода протухла до дна. / И так она прожила бесполезно, без почета...»]), но и невольное уважение: Лужа осталась самой собой (небольшим углублением в земле, наполненным водой), не изменила своей природе, «умерла естественной смертью», а не превратилась в ручей. В то же время положительный персонаж Франка — Тормоз — не вызывает уважения, потому что легко отказывается от своего прямого предназначения — тормозить ход Автомобиля — и тем самым служит причиной его и своей гибели. В смешанной басне А. Закса «Der alte Wolf» [«Старый Волк»] у читателя хотя и возникает сочувствие Крестьянам, оно смешивается с обвинением последних в глупости; действия же Волка естественны и не вызывают негодующего удивления. Эпитет «старый», данный уже в заглавии применительно к Волку, также вносит двуплановость восприятия — симпатию по отношению и к Крестьянам, и к Волку:

с одной стороны, читателю жаль старого Волка, с другой, и Крестьяне склонны доверять именно старому, а значит, немощному животному.

Как видим, естественный или искусственный ход событий в басне усиливает такую ее черту, как двойственность восприятия. Негативный персонаж, ведущий себя естественно, вызывает не только отрицательное, но и положительное отношение, положительный персонаж, идущий против природной логики, — не только симпатию, но и осуждение. При константном двойственном восприятии басни доли симпатии и антипатии к персонажам в естественных и искусственных баснях распределяются по разным законам. Читатель ждет от героя предсказуемого природного поведения, сознательно или подсознательно симпатизируя тем, кто сохраняет свое естество.

Особенно ярко это правило проявляется, когда автор басни вводит ситуацию смерти персонажа. Сочувствие к персонажу неизменно сохраняется вследствие очеловечивания животного, растения, предмета, явления, но естественная смерть принимается с большим сочувствием, чем неестественная.

Выявление типов естественной, искусственной и смешанной басен попутно наводит на некоторые мысли о психологии творчества баснописца. Авторы в большинстве случаев прибегают к естественной или искусственной басням подсознательно. Тенденция того или иного автора к созданию естественной басни, очевидно, свидетельствует о высоком мастерстве этого баснописца.

Обстоятельное исследование научной литературы о басне выявляет интерес к проблеме природного «способа действия» басенного персонажа у литературоведа В. Нестеренко, но в другом теоретическом аспекте. В. Нестеренко в своем исследовании жанра басни обращает внимание на интересный эффект: баснописец, создавая аллегории, использует природный «способ действия» (Л. Выготский) того или иного животного, но искусственно ставит персонаж перед выбором — вести себя так или иначе: «<...> необходимое, сполна обусловленное природными закономерностями действие героя предстает в басне как свободный поступок, как акт выбора» [10; 65]. Так, в басне Эзопа «Олень и Виноград» Олень объедает листья укрывшего его от охотников Винограда и становится их жертвой. Олень как травоядное животное совершает естественное для себя действие. Наделенный возможностью выбора, человеческой способностью (в данном случае неспособностью) к благодарности, Олень становится басенным персонажем. В. Нестеренко отмечает «равновозможность как природной, так и человеческой интерпретаций происходящего (лоза укрывает оленя потому, что не может сойти с места, или потому, что хочет спасти его от опасности?)», которая «не позволяет обнаружить, что сама возможность выбора по отношению к безусловно законосообразным проявлениям природного мира предоставлена рассказчиком безосновательно» [10; 69].

Исследование В. Нестеренко, ставящее проблему волеизъявления басенного персонажа, живущего по природным законам, наводит нас на новый виток мысли: отказ персонажа от естественного, но по человеческим законам несправедливого поведения в басне обычно носит аберрационный или временный характер. Персонаж возвращается к прежнему «способу действия», чем вызывает осуждение за неверный по человеческим меркам поведения выбор и одновременно некоторую снисходительность к его естественным потребностям. Так,

Волк в одноименной басне В. Гердта, решив стать поэтом, ратующим за мир, не оставляет своих плотоядных привычек, после каждой удачной строки от радости проглатывая овечку (аберрация изменения естественного образа жизни). Волк в басне А. Закса «Der alte Wolf» [«Старый Волк»] оставляет повадки хищника только для того, чтобы быть ближе к овцам, и затем вновь ведет себя, как хищник (изменение естественного образа жизни на время). В обоих случаях, произведение, начинаясь как басня искусственная, мистифицирует читателя, постепенно открываясь перед ним как басня естественная (а во втором случае, по типу поведения Крестьян, — смешанная).

Эффект, производимый на читателя естественной и искусственной баснями, был проверен нами с помощью эксперимента с архичитателем.

Читатель — безусловный участник творческого процесса создания смыслов произведения. Устойчивый интерес новейшего литературоведения к категории читателя позволяет повысить объективность и точность литературоведческого анализа. Западная «рецептивная эстетика» («рецепция» — восприятие) разработала различные концепции восприятия («образцовый читатель» У. Эко, «имплицитный читатель» В. Изера, «информированный читатель» С. Фиша и др. [11]).

Для автора исследования в данном случае особенно интересной предстает методика М. Рифатера, предложившего тип «архичитателя» — группы информантов, интерпретирующей определенные места художественного текста. Прочтение литературного произведения каждым новым читателем — это еще одна интерпретация этого текста. Под слоями личных суждений, по мнению М. Рифатера, обнаруживается объективное толкование произведения.

Идеи М. Рифатера продолжены казахстанским литературоведом Г. Мучник, автором серии книг по коммуникативной поэтике [12]. Важным ее вкладом в коммуникативную поэтику предстают результаты эксперимента с читателем. В своей работе мы опираемся на методику М. Рифатера и Г. Мучник.

В ходе проведенного нами эксперимента 162 реципиента, владеющие немецким языком (студенты отделения «Иностранная филология», слушатели курсов немецкого языка, участники общественного немецкого движения, информанты из Германии), были ознакомлены с текстами 2 естественных и 2 искусственных басен одного автора. В качестве материала исследования использованы такие естественные басни Р. Франка, как «Die eitle Kollerdistel» [«Тщеславная Перекати-поле»], «Bach und Pfuhl» [«Ручей и Лужа»], и такие его искусственные басни, как «Linde und Specht» [«Липа и Дятел»], «Der Wagen und seine Bremse» [«Автомобиль и его Тормоз»]. Басни одного автора были подобраны специально, чтобы различие стиля или уровня разных поэтов не отвлекало информанта от цели эксперимента. Кроме того, критерием отбора материала послужила общность развязки в баснях — смерть героя, в естественной басне живущего по законам природы, в искусственной нарушающего их.

По каждой басне реципиентам необходимо было выбрать один из вариантов следующего вопроса-теста: «Какое чувство вызывает у Вас погибший герой?»

а) сочувствие; б) более сочувствие, чем осуждение; в) более осуждение, чем сочувствие; г) осуждение; д) затрудняюсь ответить».

Относительно басни «Der Wagen und seine Bremse» вопрос был ориентирован на персонаж Тормоз (Тормоз погибает вместе с Автомобилем).

После ответа на тест читателям предлагалось письменно мотивировать выбор вариантов ответа.

Результаты эксперимента по каждой басне оказались таковы:

«Die eitle Kollerdistel». 140 реципиентов (86,4%) испытывают к умершей Перекати-поле более сочувствие, чем осуждение, 12 (7,4%) — более осуждение, чем сочувствие, 9 (5,6%) — сочувствие. 1 участник (0,6%) опроса затруднился ответить.

«Bach und Pfuhl». 91 читатель (56,2%) испытывает по отношению к Луже более сочувствие, чем осуждение, 58 (35,8%) — более осуждение, чем сочувствие, 11 (6,8%) — осуждение, 2 (1,2%) — сочувствие.

«Linde und Specht». 124 информанта (76,6%) выбрали вариант «более осуждение, чем сочувствие». 36 человек (22,2%) испытывают по отношению к Липе осуждение, 1 (0,6%) — более сочувствие, чем осуждение, 1 (0,6%) — сочувствие.

«Der Wagen und seine Bremse». 81 опрашиваемый (50%) испытывает к Тормозу более осуждение, чем сочувствие, 78 (48,2%) — осуждение, 1 (0,6%) — сочувствие. 2 реципиента (1,2%) затруднились ответить.

Как видно по статистике, во всех 4 случаях большинство читательских голосов подтверждает гипотезу о том, что поступающие по природным законам (даже отрицательные) персонажи (в данном случае, Перекати-поле и Лужа) получают большую долю симпатии, чем персонажи, нарушающие естественную закономерность поведения (Липа и Тормоз).

Наши размышления косвенно подтверждаются и тем, что полученные результаты контрастируют с истиной, что смерть вообще вызывает в основном сочувствие.

Среди частных причин, по которым меньшинство респондентов все же осудили Перекати-поле и Лужу, были следующие: а) читателей насторожило название «Die eitle Kollerdistel», прямо характеризующее Перекати-поле как «тщеславную»; Перекати-поле бросила своего друга Саксаула; Перекати-поле падка на лесть; б) Лужа Р. Франка в сознании немцев воспринимается как «Nichtsnutz» («не приносящая пользы»), «Lebemann», «Prasser» («прожигатель жизни»), что всегда осуждается; Лужа сама остановила бегущего мимо Ручья и обвинила его в слабости, беспокойности.

Меньшинство читателей, проявивших глубокое сочувствие Липе и Тормозу, объяснили свое отношение следующим образом: а) Дятел доставил Липе боль; Липу бесчеловечно «сожрали» черви; б) у Тормоза глупый начальник — Автомобиль; Тормоз пожертвовал своей жизнью ради справедливости.

Архичитательская интерпретация, идеально подтверждая теорию Л. Выготского о двойственном восприятии басни, показывает большую долю сочувствия, чем осуждения по отношению к естественно проявляющим себя персонажам и большую долю осуждения, чем сочувствия, по отношению к персонажам с неестественным для них поведением. Конкретно взятые, поступающие по природным законам (даже отрицательные) персонажи (в данном случае, Перекати-поле и Лужа) получают большую долю симпатии, чем персонажи, нарушающие естественные закономерности (Липа и Тормоз). Результаты эксперимента подтверждают гипотезу о том, что естественный или искусственный ход басенных событий влияет на восприятие басни, усиливает двойственность ее воздействия на читателя: отрицательный персонаж, ведя себя естественным образом, неиз-

менно вызывает к себе немалую долю положительного отношения, а ведя себя противоестественным образом, усиливает к себе негативное отношение.

Итак, двойственность восприятия басни усиливается благодаря внетекстовому фактору — изменению общественного строя и вместе с ним «перестройке» рецепции текста — и внутритекстовым причинам — местоименному «присвоению» персонажа автором, подаче «истины» в устах подчеркнуто наивного героя, применению естественного или искусственного «способа действия» персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский Л.С. Психология искусства / Под ред. М. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987. 344 с.
2. Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв. Германия, Ляге: BMV Verlag Robert Burau, 2009. 534 с.
3. Ehrlich, K.W. Lose Blätter. A-Ata: Kasachstan, 1982. 150 p.; Ehrlich, K. W. Lebendiges Erbe. A-Ata: Kasachstan, 1988. 380 p.
4. Бельгер Г.К. Российские немецкие писатели. Биобиблиографический справочник. Алматы: Жибек Жолы, 1996. 136 с.
5. Engel-Braunschmidt, A., Heithus, C. Bibliographie der sowjetdeutschen Literatur von den Anfängen bis 1941. Ein Verzeichnis der in Buchform erschienen sowjetdeutschen Publikationen. Köln/Wien: Böhlau, 1990. 110 p.
6. Moritz, A. Lexikon der russlanddeutschen Literatur. Düsseldorf: Klartext Verlag, 2003. 208 p.
7. Engel-Braunschmidt, A., Heithus, C. Bibliographie der sowjetdeutschen Literatur 1960-1985. Ein Verzeichnis der in Buchform erschienen sowjetdeutschen Publikationen. Köln/Wien: Böhlau, 1990. 82 p.
8. Keil, R. Russland-Deutsche Autoren. Weggefahren, Weggestalter 1964-1990. Flensburg, 1994. 376 p.
9. Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография, 1991-2000 гг. Указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев России. М.: Готика, 2001. 268 с.
10. Нестеренко В. Произведение морали (анализ басни) // Вопросы литературы. № 2. Москва, 1998. С. 65. С. 69.
11. Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика / Отв. ред. Ю. Боров. М.: Наука, 1985. 232 с.
12. Мучник Г.М. Проблемы коммуникативной поэтики. Алматы, 1995. 182 с.; Мучник Г.М. Текст в системе художественной коммуникации: Восприятие, анализ, интерпретация. Учеб. пособ. для филологических ф-тов ун-тов и пед. ин-тов. Алматы: Балауса, 1996. 192 с.

REFERENCES

1. Vygotskij, L.S. *Psichologija iskusstva* [Psychology of Art] / Ed. by M. Jaroshevsky. Moscow, 1987. 344 p. (in Russian).
2. Seifert, E.I. *Zhanr i jetnicheskaja kartina mira v poezii rossijskih nemcev vtoroj poloviny XX — nachala XXI vv.* [Genre and ethnic picture of the world in the poetry of Russian Germans in the second half of XX — beginning of XXI century]. Lage: BMV Verlag Robert Burau, 2009. 534 p. (in Russian).
3. Ehrlich, K.W. Lose Blätter. A-Ata: Kasachstan, 1982. 150 p.; Ehrlich, K. W. Lebendiges Erbe. A-Ata: Kasachstan, 1988. 380 p.
4. Belger, G.K. *Rossijskie nemeckie pisateli. Biobibliograficheskij spravocnik* [Russian-German writers. Bibliographical reference]. Almaty, 1996. 136 p. (in Russian).

5. Engel-Braunshmidt, A., Heithus, C. Bibliographie der sowjetdeutschen Literatur von den Anfängen bis 1941. Ein Verzeichnis der in Buchform erschienenen sowjetdeutschen Publikationen. Köln/Wien: Böhlau, 1990. 110 p.
6. Moritz, A. Lexikon der russlanddeutschen Literatur. Düsseldorf: Klartext Verlag, 2003. 208 p.
7. Engel-Braunshmidt, A., Heithus, C. Bibliographie der sowjetdeutschen Literatur 1960-1985. Ein Verzeichnis der in Buchform erschienenen sowjetdeutschen Publikationen. Köln/Wien: Böhlau, 1990. 82 p.
8. Keil, R. Russland-Deutsche Autoren. Weggefährten, Weggestalter 1964-1990. Flensburg, 1994. 376 p.
9. Chernova, T.N. *Rossijskie nemcy. Otechestvennaja bibliografija, 1991-2000 gg. Ukazatel' novejshej literatury po istorii i kul'ture nemcev Rossii*. Moscow, 2001. 268 p. (in Russian).
10. Nesterenko, V. Works about morality (analysis of Fables). *Voprosy literatury — Problems of Literature*. 1998. № 2. С. 65. С. 69. (in Russian).
11. *Teorii, shkoly, koncepcii (kriticheskie analizy). Hudozhestvennaja recepcija i germenevtika* [Theory, schools, concepts (critiques). Art reception and hermeneutics / Ed. by Ju. Borev]. Moscow: Nauka, 1985. 232 c. (in Russian).
12. Muchnik, G.M. *Problemy kommunikativnoj pojetiki* [Communicative problems poetics]. Almaty, 1995. 182 p.; Muchnik, G.M. *Tekst v sisteme hudozhestvennoj kommunikacii: Vosprijatie, analiz, interpretacija. Ucheb. posob. dlja filologicheskikh f-tov un-tov i ped. in-tov*. Almaty, 1996. 192 p. (in Russian).

Автор публикации

Зейферт Елена Ивановна — профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва), доктор филологических наук

Author of the publication

Elena I. Seifert — Dr. Philol. Sci., Professor of the Theoretical and Historical Poetics Department, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities (Moscow)